

История села Тигиль тесно связана с освоением и исследованием Камчатки, поскольку он расположен на исторически сложившихся путях, связывавших в давние времена различные населенные пункты полуострова. Большое значение придавалось ему как военному опорному пункту, обеспечивающему сбор ясака с коренного населения.

В 1716 году в устье реки Тигиль встало на рейде невиданное доселе возле этих берегов парусное судно. Всего двадцать лет прошло с того времени, когда по корякским землям прошли решительные и безжалостные боюродачи атамана Атласова. Воспоминания были слишком свежи, поэтому нымыланы — береговые коряки встретили незваных гостей настороженно. Зато прибывшие землепроходцы Козьма Соколов и Яков Невейцин с товарищами радовались сво-

Тигиль вчера

ей удаче: они подтвердили свою догадку о том, что на Камчатку из Охотского острова можно сравнительно быстро и безопасно попасть морским путем.

Здесь, в устье реки, стояли в трех верстах друг от друга два корякских острожка — Кенгеля (Уиткем и Кульвауч, причем тайон Кульвауча считался у нымыланов реки Тигиль повелителем и ему подчинялись беспрекословно.

Примерно в 46 верстах от Кульвауча вверх по реке располагалось селение Мыллаган, а чуть выше — Шипин «старой острожек», по какому-то соображению покинутый Шипой — тайоном этих мест, перебравшимся в Мыллаган.

Шипин старой острожек

— это будущий Тигиль. Семен Крашенинников — знаменитый исследователь, автор книги «Описание земли Камчатки» отметил в своих дневниках о Шипине острожке: «Строения две юрты, пять балаганов, живут в одной только юрте немногие иноземцы». Написано это было в промежутке 1737—1741 годов.

В 1744, а по другим сведениям в 1747 году, а может быть, как раз в течение этого периода Шипинский острожек был укреплен, заселен русскими и стал называться Тигильской крепостью, а затем это название сократилось до простого — Тигиль — по имени реки. В 1780 году Тигиль был возведен в ранг города.

Население Тигиля состоя-

ло, в основном, из русских поселенцев — казаков. Землепроходцы из далекой России оседали здесь, смешивались с коренным населением, в результате чего появилась своеобразная, довольно большая группа жителей, тех, кого позднее стали называть камчадалами. Эта группа населения сохранила все основные качества и особенности, свойственные русскому народу, но вместе с тем приобрела некоторые новые черты, проявляющиеся, в частности, в языке и во внешнем облике.

Место для Тигиля было выбрано пришельцами не случайно. Во-первых, здесь река-кормилица была очень удобна, чтобы ставить запоры для ловли рыбы; во-вторых, место поселения хорошо защищено от северных холодных ветров и, в-третьих, оно было сухим.

(Продолжение следует).

Тигиль вчера

(Продолж. Нач. в № 102)

СВЕДЕНИЯ О КОРЯКАХ

Наиболее ранние известия о коряках относятся к 1669 году. Их сообщил приказчик Охотского острога М. Сосновский, основываясь на рассказах тунгусов. Первые этнографические сведения о коряках Камчатки были получены в 1700 году от якутского пятидесятника Владимира Атласова, который в 1697 году из Анадырского острога отправился «для прииску новых земель». В результате его похода была открыта Камчатка и собраны интересные данные о ее населении, в том числе и о коряках.

Коряки — название принесенное извне. Г. Стеллер, участник Второй камчатской экспедиции (1733—1746 гг.) пишет по этому поводу: «Хора в корякском языке значит «олень»; так как казаки при своем прибытии это слово чаще всего слыхали от этого народа... то они и называли его хоряки, или коряки, оленные мужики». Однако, коряки имели свои самоназвания (единого у них не было). Оленеводы называли себя чаучу. От этого слова в литературу вошли производные — «чавчувен», «чавчулены». Оседлые коряки называли себя нымылгы, что означает «житель», «поселянин». Это слово трансформировалось по-русски в «нымылан», «нымыланы».

Между чавчувенами и нымыланами издревле существовал взаимовыгодный товарообмен. Оленеводы привозили оседлым корякам мясо, оленин шкуры для пошива одежды и обуви. Нымыланы снабжали чавчуменов шкурами и жиром морского зверя. Как те, так и другие занимались добычей пушны, хотя для оленеводов пушной промысел не играл

заметной роли.

Олень давал чавчувену все необходимое. Мясо, жир, кровь, внутренности (включая содержимое желудка), копыта и молодые рога употреблялись в пищу. Шкуры шли на одежду, спальные пологи, постели, на покрытие жилищ и т. д. Из рога и кости изготовлялись орудия и оружие, различные бытовые предметы. Олений жир служил источником освещения. Из сухожилий приготовлялись нитки и веревки. Олень у чавчуменов являлся единственным транспортным животным. Кроме того, продукты оленеводства служили предметом обмена с оседлым населением.

В хозяйстве оседлых коряков — нымыланов ведущее место занимало рыболовство. Основным объектом промысла являлись проходные лососевые. Проводилась массовая заготовка рыбы впрок в виде юколы. От ее запасов зависело существование людей и ездовых собак зимой. Недостаток запасов юколы приводил к голоду. Рыболовный сезон обычно начинался в июне и продолжался до конца августа. Наиболее распространенными орудиями лова являлись сети.

Разнородная хозяйственная деятельность нымыланов и чавчуменов повлекла за собой производство различных предметов и их обмен.

Наиболее распространен был прямой обмен: оленевод, нуждавшийся в продуктах морской охоты, приезжал в поселок, или наоборот — оседлый посещал стойбище оленевода. Зимой с установлением нартового пути оседлые коряки на собачьих упряжках, нагруженных шкурами, жиром и другими продуктами, отправлялись в стойбища кочевников. Как правило, каждый из оседлых посещал определенного оленевода.

(Продолжение следует).

(Продолжение. Начало
в № 102, 103, 104
за 1979 г.)

На территории нашего района жили оседлые береговые коряки (нымыланы) в селах Аманина, Воямполка, Кахтана, Кижили, Лесная; кочевые оленные коряки (чавчумены); ительмены в селах Седанка, Налана, Утхолок, Ковран, Хайрюзово, Морощенное, Сопочное и местные русские — камчадалы в селах Тигиль, Палана.

Все они, кроме чавчуменов, занимались главным образом охотой и рыболовством, отчасти животноводством и огородничеством. Орудия лова рыбы и промысла пушиного зверя были самые примитивные. Достаточно сказать, что рыбу ловили запорами и сачками, сетей и неводов не имелось. Это был очень тяжелый труд. Но рыба была едва ли не единственным источником питания как для людей, так и для собак — ездовых и охотничьих, поэтому нетрудно понять, какое внимание проявлял каждый житель к заготовке рыбы. При встрече друг с другом только и разговоров было, что о ней.

Нередко, особенно весной, когда запасы рыбы и мяса подходили к концу, население болело цингой, еще и потому, что овощей, картофеля было очень мало, а то и совсем не было. Вот почему с таким нетерпением население ожидало весны. Открытие реки от льда считалось едва ли не самым главным событием года. В этот момент в Тигиле не было равнодушных — все население, и стар и млад, сбегалось на берег, шумно выражало свой восторг. Кругом царил веселье, люди открывали

стрельбу из ружей, в реку бросали соль, разные ритуальные предметы. С момента вскрытия реки кончалось голодное и полуголодное существование, начинался изнурительный труд, зато начиналась и сытая жизнь.

Тот, кому удавалось добыть первого весеннего гольца, удостоивался внимания всего села, становился ге-

же за дворами начиналась тундра, болотца и озера. На месте нынешнего здания поликлиники было небольшое озеро и весной здесь охотились на уток. Озера были и на месте сквера и чуть дальше в сторону улицы Калининской. А на месте районной больницы, яслей, конторы СМУ и жилого микрорайона двухэтажных домов бы-

10—12 собак. В начале века в селе насчитывалось более 800 взрослых собак. И это на 300 человек населения! На собачьих упряжках ездили на охоту, перевозили пассажиров, возили дрова, сено и т. п.

У Даниила Правдошина было 12 ездовых собак. Это была лучшая собачья упряжка в Тигиле, да, пожалуй, и в округе. Данила Петрович так сумел воспитать и выдрессировать своих собак, что они без особого, кажется, труда брали любой крутой подъем с груженными нартами. На собачьих гонках в зимние праздники он в течение многих лет неизменно приходил первым. Его знали чуть ли не по всей Камчатке, потому что Данила часто подражался перевозить богатых пассажиров в любое место полуострова.

В весеннюю пору достаточно было двух дней, чтобы доехать на собаках от Тигиля до Паланы или до Хайрюзова. На собаках обычно возили пассажиров и почту во все концы Камчатской губернии. В те времена за хорошую ездовую или охотничью собаку охотник мог отдать все, что мог, любую вещь. В переводе на деньги хороший вожак в те времена стоил от двухсот до пятисот рублей, а знаменитые вожаки вообще не имели цены, потому что расстаться с ним никто не желал ни за какие деньги.

В то время лошадей, как тягловую силу, тигильчане не использовали и, как ни странно, все лошадиные силы целую зиму стояли без дела. На них ездили только верхом летом и осенью: ни телег, ни саней не было).

(Продолжение следует).

ТИГИЛЬ ВЧЕРА

рдем дня. К нему шли и поздравляли с добычей. Вступало в действие неписаное правило: все, кто приходил к рыбаку, брали рыбу по потребности и бесплатно. Однако простые люди были скромны и брали столько, чтобы хотя и понемногу, но хватило всем желающим, да и самому рыбаку осталось.

Для кочующих коряков — чавчуменов главным средством существования был олень, который давал им все необходимое: мясо для пищи, меховую одежду, шкуру для жилища; все это являлось и средством меновой торговли с нымыланами. Олень был для чавчуменов и единственным транспортным средством, с помощью которого они перевозили свои пожитки, общались с оседлым населением.

Как принято повсюду, жители Камчатки строили свои дома и землянки поближе к реке-кормилице. Так и древнее село Тигиль было растянуто вдоль правого берега реки. Вдоль берега шла и главная улица села. Сразу

ло настоящее сплошное болото, кочки и заросли кустов. Здесь зимой охотились на куропаток и зайцев, а летом — на уток.

На главной улице села располагались купеческие дома с лавками и черкوزы. Имелись постройки и на второй (задней) улице. На ней в плохих избушках и землянках ютилась беднота. Обычно у каждого тигильчанина двор был огорожен частоколом, во дворе размещались хозяйственные постройки: амбар, балаган (юкольник). Как правило, имелся небольшой огород. У более состоятельных казаков еще были баня и погреба, конюшня с сеновалом, хлев для коровы. А вокруг дворов — своры собак.

О собаках стоит сказать особо. Если для чавчуменов единственным средством транспорта был олень, то для оседлого населения эту роль выполняли собаки. Кроме того, собака была незаменимым помощником охотнику в его нелегком промысле. Каждый охотник содержал

[Оконч. Нач. в №№ 102—104 за 1979 г., № 13 за 1980 г.]

Что же представлял собой Тигиль и его обитатели в годы перед Великой Октябрьской социалистической революцией?

На первый взгляд, жизнь в селе текла мирно и однообразно. По воскресеньям все ходило в церковь, исправно отмечали все религиозные праздники. Но это внешняя сторона жизни, внутренняя же была гораздо сложнее и серьезнее. Вековой уклад не устранил классовых противоречий. Простое понятие о справедливости рождало недовольство неравноправным положением, соседством богатства и бедности.

...Сменяли друг друга времена года, сезоны заготовки необходимых продуктов. Примитивность запросов духовных и невозможность удовлетворения материальных рождали понятие беспросветности существования. Это было выгодно верхушке тигильского общества — духовенству, проповедующему смирение, купечеству, зажиточным казакам, чиновникам администрации. Отсутствие системы просвещения и образования дополняло эту картину процветанием невежества, бескультурия не только среди

ТИГИЛЬ ВЧЕРА

местного коренного населения, но и среди жителей Тигиля.

Бедняцкие хозяйства были похожи друг на друга, как две капли воды. Вот, к примеру, хозяйство бедняка Александра Федосевича Косыгина. Домик 4х4 метра, собачья упряжка из восьми собак, бат — вот и все. А семья состояла из шести человек. Постоянная нужда, страшная скученность... Спали на полу на оленьих шкурах. Еда была крайне однообразна, в основном юкола. Освещались жилища жирниками.

Недалеко от бедняков ушли и середняки. Домик 4х5 с тремя небольшими окнами, лошадь, корова, бат, собачья упряжка из десяти собак. В доме всей обстановки — стол, да две табуретки.

Все бедняки и середняки были в полной зависимости от купечества, все были их должниками. Да и как не быть ими, если цену на шкурки пушного зверя купец устанавливал такую, какая ему выгодна. К примеру, соболь первого сорта стоил 15 рублей, лисица — 2—3 рубля, горностай —

10 копеек. А цены на продукты и мануфактуру были очень высоки. Коробка спичек стоила 10 копеек, плиток чая — два рубля, фунт сахара — 10 рублей... Всю одежду и обувь бедняки изготавливали себе из шкур оленя и морского зверя.

Часто бывало, что в летнее время не хватало муки. Да и вообще хлеб был лакомством, доступным далеко не каждому. Вместо хлеба готовили икранные лепешки. Сахар был великой редкостью; конфеты, печенье знали только понаслышке.

Как небо от земли отличалась жизнь купцов, духовенства и зажиточной части населения от жизни бедняцкой. Большие деревянные дома, высокие пуховые постели, одежда и обувь европейского образца, керосиновые лампы, изобилие различных продуктов питания, а во дворе несколько коров, лошадей...

Купцы ежегодно выезжали во Владивосток, обменивали пушнину на необходимые для продажи в Тигиле продукты и товары. Жилось им вольготно и легко, они крепко держа-

ли за власть царя.

Во всей округе было тогда всего две начальные церковно-приходские школы — в Тигиле и Палане, один фельдшерско-акушерский пункт. Нетрудно себе представить, что большинство населения было неграмотным и что ожидало человека, если он серьезно заболел. Самое широкое распространение имели трахома и туберкулез, свирепствовали эпидемии инфекционных болезней.

В такой обстановке и существовало трудовое население Тигиля, бесправное и нищее. Но пришел этому конец. Народы Севера восторженно встретили известие о Великой Октябрьской социалистической революции. Бедняки — казаки, коряки, ительмены с радостью встали на сторону воставшего пролетариата.

Подготовил
В. БОРОВКОВ.

В социально-этнографическом очерке «Тигиль вчера» использованы материалы: «Ступени становления», Н. П. Юшин, «Знамя Ленина», 1972 г.; «Культура и быт коряков», В. В. Антропова, Изд. «Наука», 1971 г.; «Возрождение», В. В. Косыгин, Очерк, 1970 г. (сб. «Свет в тундре»).